

НОВАЯ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ — ПРОТИВ ЯЗЫКА ВРАЖДЫ

Глеб Павловский

Глеб Павловский — президент Фонда эффективной политики, главный редактор «Русского журнала». Сомодератор секции «Стандарты демократии и многообразие демократического опыта» Мирового политического форума «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности» в Ярославле (10–11 сентября 2010 года).

В России идет смена повестки идейных дебатов. Отчасти в силу исчерпания целей прежнего десятилетия, отчасти — из-за их пересмотра в новом, «медведевском» контексте.

Так тема суверенитета России, недавно яростно оспариваемая либо защищаемая полемистами, ушла из мейнстрима — консенсус о суверенитете достигнут. Другие темы уточняются в потоке событий — например, коррупция, борьба с которой заявлена Президентом как его личный долг. Этот вечный «топ» русских споров драматически обнаружил свой корень в другой проблеме — в приватизированном насилии. Недавние акты насилия: зверские избиения журналистов Кашина и Фетисова, гекатомба убийств на Кубани, в станице Кушевской, заставили общество переключиться на эту тщательно вытесняемую тему. И тут вдруг оказалось, что общество хочет говорить об этом, но не может!

I

Общественный гнев, выраженный на языке вражды, сам обращается в запрос на насилие. Все обвинения носят тяжкий характер. Поэтому всякий, кого обвинили — не оправдывается, а вынуждается к тому чтобы, наращивая ставки, обвинять самому.

Начинается гонка взаимных обвинений в применении насилия. Борис Немцов голословно обвиняет Владислава Суркова — то в подстрекательстве к избиениям журналистов, то прямо в их организации. Обвинения не аргументируют: сторонники «несистемной оппозиции» их приветствуют, как полезные для своей партии. Защитники Кремля, столь же естественно, ищут криминальную подоплеку в деятельности безответственных «неформалов». **Проскрипционная масса подозрений с обеих сторон начинает быстро расти, на радость репрессивным инстанциям.** Она криминализует речь и политику, соблазняя политиков превратить этот компро-дискурс в средство будущего доминирования.

Это мы видим при каждом кризисе: списки врагов, даже не подозреваемых, а просто «уличенных», подлежащих устранению, а не расследованию. Отсюда взрывы «доносов на реальность» — русский жанр — призыв к властям исключить те или иные условия жизни тех или иных социальных групп.

Однако, зачастую за указующим перстом доносчика скрыт более общий посыл: хотя вся общественно-властная конструкция якобы «не имеет права на существование», «незаконна» и омерзительна, сам доносчик внутри нее агрессивен — и готов встроиться еще плотнее. Он призывает к устранению врагов, подразумевая, что будет услышан. Он сам требует для себя места власти, он хочет быть ею. И к такому типу сообщений власть готова, она их понимает и чувствует.

Язык вражды и проскрипционных «подсказок» проявляет себя как целиком управляемый фактор. Ненависть и праведный гнев в российской «народнической» стилистике — куда более управляемы, чем осторожность, рациональное внимание, бдительность.

Гнев по подсказке — именно так работал сталинизм. **Сталин предпочитал работать со спонтанным, но им перенаправляемым гневом.**

II

Российское «использование постдемократии» — это неизбежный процесс. Не из-за русской якобы вечной любви к неклассическому и «извращенному». Сама импровизационная модель возникновения российской государственности 20 лет назад — ее запоздалая глобализация — сделала неизбежным поиск «технических упрощений» для трудных вопросов национального строительства. Не вина России, что заимствуемые ею извне инструменты часто являются продуктами распада классических демократий. Ценой этого становится срастание укладов в работающие, но монструозные коалиции.

В России на месте государства, которое бы отличало себя от общества, находится власть, неотличимая от схемы социальной реальности. Здесь для того, чтобы защититься, нужно самому прибегнуть к насилию, либо перейти под защиту кого-то, кто насилие практикует. Очень хороший пример — станица Кушевская. Это экономически процветающая зона аграрного бизнеса, работающего на внутреннем и мировом рынке. Подобно неаполитанской экономике из бестселлера Роберто Савьяно «Гоморра», кубанское аграрное насилие стало средством защиты, арбитража, иногда даже экономической «оптимизации» и ограничения вмешательства коррумпированных и неком-

петеных властей. Ценой этого была жизнь под «защитой» подонков, вырезавших целую фермерскую семью и ее гостей. Но подонки из Кушевской не пришли извне, они — часть динамичного социального сообщества, выживающего и защищающегося от «чужих».

Сегодня приоритетом является вытеснение из быта привычки к убийству, положенной в основу российского общества. Вытеснение не какого-то аморфного насилия вообще, а практик агрессии и садизма из сети социальных и частных защит, сформировавших социальную ткань. Отказ от языка ненависти и атаки, обнажающего страх и недоверие по всем азимутам. А он-то и составляет базу отечественного языка, народного и политического.

Отсюда скандал вокруг того, что произошло с Олегом Кашиным. Кашин — не просто журналист. Его профессиональная идентичность шире. Кашин — и репортер, и блогер, и участник демонстраций, и наблюдатель нравов, и просто — личный друг, личный враг или добрый знакомый многих людей. В Москве он принадлежит к корпорации тех, кого «просто так» не задевают. Это столичный защищенный класс. Жители «московского кольца» уверены, что с ними не произойдет того, что реально для станицы Кушевская. Поэтому и гораздо выше уровень возмущения, когда оказывается, что это не так. Обнаружилась реальность, которая до тех пор была прикрыта языком, на котором говорит данная группа. Это тот же самый язык насилия, в отношении к каждой социальной группе выступающий как язык ее «законной самообороны». Но это тот же самый язык, на котором говорят те, кто бил Кашина.

III

Российский язык вражды — это специфическое оружие самозащиты. Этот язык, с помощью которого не только защищаются, но и атакуют, сам также является языком предельного насилия, вражды и ненависти. Он обильно занимствовал элементы крайнего

уничужения и презрения, корни которые явно обнаруживаются в прошлом, но функции остроактуальны. Публичная сфера с легкостью приватизируется теми, кто говорит на языке вражды.

Когда люди не справляются с собой, они принимают за «чужих» — находят или придумывают их. Необходимое усложнение политики проецируют на побочные цели. Опасность этого языка — в его потребности выдумывать врагов там, где их нет, и заселять ими собственное пространство. **Так что не следует спутывать «таджиков», «силовики» и «фашистов», обитающих в ландшафтах данного языка, с реальными фашистами, или таджиками —** они не более чем спарринг-фантомы, нужные для минимальной обоснованности права носителей языка на преимущественное насилие.

Обозначить кого-то как врага или защитить его как «своего» — более простой маршрут, чем публичный политический конфликт. **Политический язык вражды сам упраздняет пространство публичной политики — это место для демократии —** и размечает его так, чтобы оно стало рекогносцировочной схемой прифронтовых зон. Здесь, чтобы защититься, якобы надо прибегнуть к превентивному обличению злодеев, либо перейти под защиту кого-то, кто это насилие практикует. Оба пути оканчиваются в одном месте — негосударственной власти, приватизирующей насилие. Модель неизменна: сохранение пафоса разрыва, непроходимой черты между «своими» и «врагами». Язык вражды, проникший в публичную сферу, не ищет реального врага. Он его активно придумывает, творит из насущного окружения самим наименованием.

IV

Язык вражды эффективен, поскольку является общим для управляющих и для управляемых. Все попытки заменить его отторгаются. Из этой ситуации господства языка ненависти нет первого шага, кроме речевого самоограничения.

Российская политика дает основание для любых тяжких подозрений. Особенно политика, которая не обсуждает социальную реальность, пока та не обернется громким скандалом. «Власть» в России — это не вполне государство. Всеми, от губернатора до рядового гражданина, «власть» понимается как система страховки. Она срослась с процессом клеточного насилия и может предложить лишь некое ресурсное обеспечение для тех, кто сам решает основную задачу защиты.

Исключение и устранение конкурентов как «врагов» преподносится в языке насилия, как путь к «очищению» и «выздоровлению нации». Разница грамматики власти и оппозиции сегодня лишь в персональных мишенях, но не в конструкции речи. Требуют одного — немедленного прекращения насилия, а начинают с проскрипционных речей, с указания на врагов. Кому? Тот, кто является адресатом проскрипционных обращений, хочет быть не государством, а властью — реальной или латентной — но именно насильственной властью.

Президент Медведев находится перед этой дилеммой новой политики и нового языка. Он явно хочет нормализации жизни. Но пароль этой нормализации неясен, пока громко звучат лишь враждебные речи сторон.

Российская политическая корректность становится ближайшей задачей. Минимизация насилия требует контроля стандартов публичной речи. Язык исключения, репрессии, вражды сам должен быть исключен из политического обращения. Просто избегать опасных тем нельзя. **Надо говорить именно на опасные темы, но говорить по-другому.** Этим создается другой языковой стандарт. Поддержание публичной речи становится условием политической нормализации, выхода из схем множественного насилия, насилия-обороны, защиты всех ото всех — где «врагов» придумывают, а агрессию практикуют совершенно реально, именуя ее «необходимой защитой» или «справедливым возмездием». ■